

Анна Белинская

Буду твоей
ВЕРОЙ

Анна Белинская

Буду твоей Верой

«Автор»

2023

Белинская А.

Буду твоей Верой / А. Белинская — «Автор», 2023

Второй год я страдаю по самому популярному парню нашего курса. Он — красавчик, рядом с которым сияют местные дивы. Я — неприметная заучка в очках и скромной одежде, которую объект моего воздыхания совершенно не замечает! Но я собираюсь это исправить! А поможет мне его друг — упрямый, невыносимый спортсмен, который раздражает меня до икоты!

© Белинская А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

1. Вера	5
2. Вера	8
3. Вера	11
4. Вера	14
5. Вера	16
6. Вера	18
7. Вера	21
8. Вера	23
9. Вера	26
10. Вера	29
***	30
11. Вера	33
12. Вера	37
13. Вера	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Анна Белинская

Буду твоей Верой

1. Вера

– Мам, ну как? – забегаю в кухню и кручусь вокруг своей оси, слегка расставив руки в стороны. А больше и не получится, потому что проход в нашу кухню настолько узкий, что моему папе приходится проходить боком.

– Красавица, – мама поднимает вверх большой палец и переворачивает аппетитные скворчащие оладушки.

– Ты всегда так говоришь, – обречённо вздыхаю и зажимаю пальцами нос, чтобы не травмировать свои обонятельные рецепторы. – Пойду, спрошу у независимой стороны.

– Доча, поешь! – кричит вдогонку мама.

– Мне некогда!

А всё потому, что с утра я провозилась с мытьём и сушкой головы. Обычно я готовлюсь к универу с вечера, чтобы утром себя ничем не отвлекать и приходить на занятия вовремя.

Но в субботу мы с мамой ходили по магазинам и купили мне новые полусапожки – замшевые. И мне подумалось, что к новой обуви вряд ли подойдут мои свалявшиеся за ночь волосы. Если пытаться производить впечатление, то сразу всем своим видом, а не частично.

Прагматик во мне во все уши трубил, что потратиться на замшевые сапожки для дождливой осени, зная, что другие мне не светят – слишком самонадеянно как минимум и не рационально как максимум.

Но мамуля умеет уговаривать, убеждая в том, как они мне идут.

Мне и самой они симпатичны, а если эти сапожки добавят мне баллов, чтобы понравится ещё и *ему*, то, возможно, я перестану чувствовать угрызения совести.

Но мне всё равно крайне важно услышать мнение самого говнистого члена нашей дружной семьи – моего младшего брата, одиннадцатиклассника Ромы.

– Ро-ом, – трясусь занавеской, которая является дверью, разделяющей одну небольшую комнату на два идентичных пространства.

У нас обычная двухкомнатная хрущёвка в старом районе с бабушками-собачницами, милыми ухоженными, расположенными вдоль первых этажей палисадниками, обустроенными этими самыми бабушками; с деревянными столбами и протянутыми между ними верёвками, на которых жители самого нижнего этажа сушат в летнее время бельё, с дедами, играющими по выходным в домино или нарды; с облитыми флотским мазутом скамейками, чтобы по вечерам молодёжь не собиралась под окнами, раздражая этих самых бабушек, с переломанными советскими обшарпанными детскими площадками, где малышня собирает занозы и шишки.

Наше детство с Ромой прошло там же, в этих песочницах с формочками для куличиков из песка в радости, что он мокрый и липкий, но мы совершенно не подозревали о том, что до этого его смочили местная толстая кошка и худая соседская собака.

Зальную комнату занимают родители, а нам с Ромой на двоих досталась спальня, разделённая тонкой перегородкой из гипсокартона. Как только Роме исполнилось четырнадцать, он занавесился от меня шторкой, тогда как моё убежище полностью открыто для его глаз.

– Ром, ты одет? Можно войти? – стучу по шторке. – Я знаю, что ты не спишь.

– Я сплю, – пыхтит брат, наверное, как обычно, прячась с телефоном под одеялом.

– Не ври. Я вхожу, – закрываю руками лицо, мало ли... – Я вошла, Ромка.

– Вижу, – опять это голос, как из трёхлитровой банки.

Отрываю от лица один палец, потом другой и в щёлочку между ними подсматриваю одним глазом.

– Ёлки-иголки! – хватаюсь за сердце от увиденного.

Мой брат с голым торсом, но, к счастью, в спортивном трико, отжимается от пола, а на голове у него...зелёный, самый настоящий противогаз.

– Доброе утро, – снимает с себя устройство защиты и являет мне свою глупую мокрую взъерошенную голову.

– Где ты его взял? – хватаю противогаз и верчу в руках.

Ну действительно настоящий!

Ой, а вонючий какой!

Ромкиным пОтом!

– Из кабинета ОБЖ стырил, – ржёт мой брат-полудурок.

Иногда я не верю, что мы – родственники.

Я – отличница, суперответственная, мегарациональная и остроконсервативная пацифистка с альтруистическими замашками.

Мой брат же – бестолковый раздолбай. Это всё, что можно о нём сказать!

– Ром, ты – дурак? – хотя и так понятно. – Сегодня же чтобы в школу вернул, понял? Иначе я родителям расскажу, – шикаю на брата.

– Стукачка, – бубнит брат и поднимается с пола. – А чё припёрлась?

Ах, точно!

Расправляю плечи, натягиваю на лицо свою самую обворожительную улыбку, как я считаю, выставляю кокетливо вперёд одну ножку в новом полусапожке.

Вон, как стихотворно получается!

– Ну как? – интересуюсь у брата.

Рома оценивающим взглядом проходит по мне, а я томительно ожидаю, нервничая, что начинаю опаздывать.

– Ну! – поторапливаю брата.

– Тебе правду или соврать?

– Правду, конечно, – фыркаю я.

– Полный отстой, – мои плечи обречённо падают, а нога подламывается с устойчивого невысокого каблучка, – кажется, в таких ходила наша прабабушка.

– А если соврать? – ещё на что-то надеюсь я.

– Ну-у... – приценивается брат, – ничего так, тебе идёт! – ржёт так, что хочется схватить противогаз и настучать по его наглой физиономии.

– Дурак, – вылетаю под мерзкий хохот брата из дьявольского логова и прямиком несусь в прихожую.

«Сам он – отстой», – бубню себе под нос и пытаюсь натянуть бежевое кашемировое пальтишко, купленное на распродаже летом.

– Веруня, а позавтракать? – мама появляется в прихожей с наколотыми на вилку невыносимо аппетитными оладьями.

– Некогда, мамуль, у меня злаковый батончик с собой есть. Пока, – машу маме рукой и проворачиваю замок.

Выхожу за дверь и ... эх, не могу!

Да ёлки-иголки!

Я – не слабохарактерная, я – слабоустойчивая.

Перед едой.

Перед любой вкусной едой.

Залетаю обратно и выдёргиваю из рук так и стоящей в прихожей мамы один верхний оладушек и засовываю целиком в рот.

По дороге прожую!

2. Вера

Ловко маневрирую между лужами, а где не могу пройти... нет, не плыву... иду по бортику, как канатоходец, расставив руки в стороны. В одной удерживаю сумку, в другой – зонт. Держу баланс! Мне нельзя промочить и испачкать свои новые сапожки и почти новое пальто.

Октябрь в этом году мерзкий, дождливый, как сказали бы депрессивные и солнцезависимые.

А мне любая погода нравится!

Ну разве можно не восхищаться этими опавшими багряно-огненными листьями, прибитыми грибным дождем к земле? Этим свежим влажным воздухом, наполненным романтическим унынием? Низкими серыми облаками, гонимыми осенним ветром?

Нависаю над чистой прозрачной лужицей и разглядываю себя, точно в зеркале.

Эти очки...

Печально вздыхаю, перепрыгиваю через лужу, подключаю гарнитуру к телефону и спускаюсь в метро, которое довезёт меня до университета.

Университет, в котором я учусь – не МГУ, но тоже достаточно престижный в столице. Моих баллов ЕГЭ хватило поступить на бюджет. Вернее, мои баллы были самыми высокими среди всех поступающих на Менеджмент.

Мне нравится территория нашего студенческого городка.

Пробегаю по главной аллее, вдоль которой по разные стороны находятся Институты, я каждый раз не верю сама себе, что я – студентка второго курса Экономического Факультета!

Всякий раз именно на этой аллее я чувствую себя частью одной общей неповторимой студенческой семьи!

Но только на этой аллее.

Потому что дальше я погружаюсь в мир знаний, учебников, коллоквиумов и гонкой за оценками, обособливаясь от этой самой неповторимой общей семьи.

Вся студенческая жизнь проходит мимо меня: я не хожу по впискам, не участвую в групповых сборищах, не играю и не смотрю местный КВН, не зависаю в столовой, не перекуриваю в сортирах, не болею за «наших», я не в группе поддержки, и у меня нет друзей.

Я не мизантроп и довольно общительна.

Но... как-то с друзьями у меня не складывается.

Наша группа разбилась на лагеря по интересам, а я так и не смогла прибиться ни к одному из этих лагерей.

Пока мои одноклассники заводили знакомства друг с другом на студенческих вечеринках, я дружила с учебниками и художественной литературой.

Мой брат называет меня «Остановкой Ботанический сад», но я не ботан, я просто...

Ладно, я – ботан.

Очкастый щуплый ботан.

Но это не значит, что я ни с кем не общаюсь и считаю всех беспросветной темнотой. Хотя половину сидящих в этой огромной аудитории я именно такими и считаю.

Замедляю шаг и сканирую взглядом присутствующих, пытаюсь высмотреть *ЕГО*, чтобы примоститься поближе, а потом всю пару украдкой глазеть.

В аудитории с деревянными восходящими кверху столами шумно и возбуждённо. Первой парой у нас общая на весь наш менеджерский поток дисциплина – лекция по высшей математике, и я каждый раз жду именно эти совместные занятия, потому что потом мы разбредаемся по своим группам на семинары, а Артём Чернышов, к моей скорби, не в моей группе.

По Чернышову я тайно страдаю второй год. Правда, за летние каникулы я о нём преспокойно забыла и успокоилась. А когда мы вышли на учебу в сентябре, я поняла, что до сих пор страдаю.

Если я – заучка, это не значит, что мне не может кто-нибудь нравиться.

Мне нравится Артём Чернышов, но проблема в том, что я ему, кажется, не нравлюсь.

По Чернышову сходят с ума многие девчонки нашего курса.

Да и не только.

Студентки-старшекурсницы истекают слюной, когда им улыбается Тёма, а из их глаз сыплются сердечки и разноцветные конфетти.

Не знаю, что сыпется из моих окуляров, но Чернышов Артём меня не замечает.

И угораздило же меня влюбиться в главного красавчика нашего вуза!

Не могла, что ли, попроще кого-нибудь выбрать?

Но, с другой стороны, попроще – это не мой формат. Ставить себе задачи и находить их решение – как бросить себе вызов!

– Я заняла тебе место! – кричит Кира Федотова на всю аудиторию так, что половина сидящих находят очки на моём лице. Проклинаю её за то, что выставила меня объектом общего ненужного мне внимания, но только не его.

Я не знаю, как так получилось, что Кира Федотова вдруг решила, что мы – подруги. Смею подозревать, что после одного случая, когда Кира неудачно уснула на лекции по сопромату.

Неудачно – это тогда, когда тебя спалил лектор.

Удачно – когда ты выспался и остался непойманным.

Разгневанный преподаватель разбудил Федотову и заставил отвечать на вопрос, который она вряд ли видела и слышала во сне.

Я сидела неподалёку, и чёрт меня дернул шепнуть ей ответ.

Кира Федотова, естественно, не расслышала и ляпнула такую пургу, что её потом удалили с занятий. Но для Киры Федотовой оказалась важнее не правильность её ответа, а то, что из всей аудитории, ей помогла только я.

С тех пор мы какбЭ подруги!

Я не разубеждаю её в этом, но и не соглашаюсь, сохраняя нейтралитет. Мне приходится её терпеть ещё потому, что иногда она снабжает меня информацией и свежими сплетнями об их второй группе, между прочим той, в которой учится Артём Чернышов.

С великим прискорбием поднимаюсь на пятый ряд и сажусь рядом с Кирой.

Это очень далеко.

С Артёмом нас разделяют несколько рядов и проходов. И мне его плохо видно.

Но я и так знаю, какой он красивый и гладкий!

Да, гладкий!

Его кожа – образец из рекламы средств от прыщей, и мне кажется, что он как раз ими и пользуется! Ну невозможно иметь такую идеальную, ровную, чистую кожу!

Я завидую ему! Завидую и желаю потрогать его лицо, чтобы убедиться, что оно настоящее, а не керамическое.

Иногда мне хочется найти свои старые детские очки большей диоптрии, чтобы разглядеть кожу Артёма, как под микроскопом!

Мне нравится в Чернышове всё: его ниспадающая на лоб длинная чёлка, или это не чёлка, я не разбираюсь, но выглядит стильно, нравится, как изящно он дёргает головой, чтобы закинуть волосы на бок, нравится его широкая красивая улыбка, которую он раздаривает всем, кроме меня, его остроумные шутки, пухлые губы и карие, практически чёрные глаза.

Слева от него сидит его друг – одноклассник Роберт!

Обезьян редкостный!

И я до сих пор не могу понять, как мой Артёмка может общаться вот с этим приматом, словарный запас которого состоит из «А-а-а» и «У-у-у».

А вот справа... та, которая не даёт мне спокойно учиться с конца первого курса – моя одноклассница и дива местного разлива – Карина!

Причём дивой она обозначила себя сама, и я думаю, это не потому, что её фамилия – Дивеева, а потому, что она слишком себя любит и боготворит!

Весь первый семестр первого курса для всех я была просто одноклассницей-ботанкой, у которой можно было попросить её помочь и дать списать.

Ни меньше, ни больше.

Но всё изменилось после зимних каникул, когда наша группа практически в полном составе съездила отдыхать на туристическую базу.

Не поехали только я и ещё одна девочка, которая заболела ангиной.

Хочу сразу уточнить!

Первая группа, в которой я учусь, считается элитной. В ней учатся студенты на коммерческой основе, то есть те, кто может позволить себе платить баснословные деньги. Детки, рождённые сразу в брендовых шмотках и шестью нулями в глазах! В этой же группе учусь и я, потому что набрала самый высокий вступительный балл. Кроме меня, на бюджете учатся ещё один мальчик, но у него и с головой, и с финансовым положением родителей полный окей.

После зимних каникул я вернулась в Институт изгоем и объектом насмешек Дивеевой, которая вдруг решила, что я – босячка, позорящая их золотую группу.

Но знаете, что?

Мне абсолютно до Северного полюса, что они там говорят, потому что в нашей небогатой семье есть душа, уважение и любовь.

Карина Дивеева – красивая девушка, очевидного я не могу отрицать, как бы она меня не раздражала. Возможно, своей внешностью она компенсирует то, чего не хватает её голове – мозгов.

В моей же голове серого вещества столько, что можно было бы отложить его в баночку и поделиться с Кариной, да только наша дива вряд ли поймёт, что с ним делать и нанесёт на лицо в качестве маски.

Печально вздыхаю и отворачиваюсь.

Такой, как Карина, мне не быть.

А судя по всему, моему Артёму нравится как раз такие: ухоженные, привлекательные няшки с кукольным личиком, а не очкастые зубрилки в вещах с распродаж из массшопы.

3. Вера

- О, какие люди!
- Да ладно?
- Где ты был, о, блудный сын?!
- Явление Христа народу!

По аудитории раздаются аплодисменты и свист! Возбуждённые студенты скандируют и улюлюкают, а я пытаюсь понять, что могло вызвать такой откровенный ажиотаж.

– Смотри, – толкает меня в бок Кира и слегка привстаёт, чтобы лучше рассмотреть того, кто внизу. – Там твой одноклассник, как его там?

Тоже встаю и свожу брови вместе, пытаюсь разглядеть одноклассника.

Ааа, понятно.

Вот именно, что как-его-там, потому что последний раз этого одноклассника я видела мельком на летней сессии во время того, как забегала поставить автоматом экзамены.

– Бестужев, – брякаю я и плюхаюсь обратно на место.

– Точно! Какая фамилия красивая, – загорается новогодней елкой Кира, – да и парень – огонь!

Перевожу взгляд на парня-огонь, который лениво кланяется перед аудиторией, также лениво ухмыляется, будто он – Папа Римский, а мы тут все собрались на него поглазеть и прикоснуться к святыне.

– Давай к нам, Бес! – свистит ему Артем, подзывая ещё и рукой.

Медленно, расслабленной походкой, будто делает нам всем великое одолжение, Егор Бестужев поднимается вдоль рядов и усаживается рядом с Чернышовым и Кариной.

Ну понятно!

Местная элита! Всегда держатся вместе. Хотя не могу сказать, что Бестужев прямо вхож в компанию Чернышов и Ко. Вроде и общаются, но друзьями их назвать сложно. Возможно, это потому, что Егор Бестужев очень редко появляется на занятиях.

Он стабильно ходил до первой зимней сессии первого курса, чтобы поспать.

Честно, я думала, что его не допустят до экзаменов, но после зимних каникул пару раз я его на занятиях всё-таки видела.

А потом он пропал, и о его существовании как об однокласснике я преспокойно забыла.

До сегодняшнего дня.

– А как его зовут? – не унимается Кира, прожигая его висок взглядом, – такой хорошенький! А почему он так редко ходит на занятия?

Ошарашенно поворачиваюсь к Кире и одариваю её таким взглядом, что будь я на её месте, собрала все свои причиндалы и пересела бы на другое место, но Киру, видимо, даже атомной войной не напугать.

– Егор его зовут, а почему не ходит – понятия не имею, передо мной он не отчитывается, – бурчу и хватаюсь за ручку, потому что в аудиторию вошёл преподаватель.

– Ну и ладно, – совершенно не обижаясь, пожимает плечами Кира и блаженно улыбается, глядя в сторону Бестужева. Иногда мне кажется, что у неё отключена функция «чувство обиды». – Я сама узнаю!

Вот несколько не сомневаюсь, что узнает!

– Господин Бестужев?

Опускаю учебник и смотрю на преподавателя. Профессор Бубновский приспустил очки и с показным пренебрежением рассматривает вошедшего в аудиторию парня. На сгибе локтя у Бестужева висит сияющая Карина, а вот его лицо застыло с выражением: «Снимите это немедленно!». Я имею в виду Карину с его плеча! Позади них – верная болонка Дивеевой, её подруга Альбина, выглядывающая из-за спины своей хозяйки.

Интересно... а как же мой Тёмочка?

На двух стульях пытается усидеть наша Королева?

– Я, – не обращая внимания на преподавателя, Бестужев сканирует аудиторию на наличие свободных мест. На секунду его глаза и мои очки встречаются, но парень быстро отводит свой взгляд так, что я даже моргнуть не успеваю. – Мне льстит, что вы меня помните, Марк Ифраимович, – Егор стряхивает Дивееву и расслабленной походкой идёт к свободной первой парте, потому что все остальные места уже заняты.

Аудитория, где сейчас начнется семинар по управлению рисками, небольшая, состоит всего из двух рядов. На первой парте первого ряда сижу всегда я, а большинство нашей группы выбирает места подальше от профессора Бубновского.

– Не обольщайтесь, молодой человек, я помню исключительно вашу знаменитую фамилию. А вы, Андрей, её так опрометчиво позорите, – Бубновский снимает очки и берётся за тряпочку, демонстративно показывая свое пренебрежение к Егору, называя другим именем.

Не знаю почему, но Бубновский с первого курса предвзято относится к Бестужеву. Чем и когда Бестужев успел насолить Марку Ифраимовичу, понятия не имею, но с первой парты мне прекрасно видно, как подрагивают руки профессора, сжимающего тряпочку для очков, как тонко сжаты его сухие губы, а лицо покрылось бордовыми пятнами.

– Я не Андрей, – всё тем же тоном ленивого домашнего кота поправляет профессора парень. Смею заметить, что у Бестужева есть одна выдающаяся черта – его сложно развести на эмоции, Егор всегда в одном расположении духа – расслабленного пофигиста. Чего не скажешь о профессоре, который вместо линз уже протирает тряпочкой лоб, покрывшийся мелкой испариной. – Меня зовут Егор.

Марк Ифраимович решает смолчать, тем самым показывая, что ему глубоко безразлично – Егор тот или Андрей, и поправлять он себя не собирается.

Бестужев снимает синюю спортивную куртку и вешает её на спинку стула, а рядом плюхает свою брендовую сумочку дива местного разлива – Карина.

– Ты ведь не против? – приторно улыбается самопровозглашённая королева.

Обычно на семинарах они с Альбиной сидят вместе, но сегодня отточенным движением наманикюренного острого когтя, Карина сгоняет со второй парты одnogруппника и по-хозяйски указывает Альбине сесть позади неё.

Суваева Альбина покорно кивает и усаживается точно туда, куда приказала хозяйка.

Вот это тотальное беспрекословное подчинение!

Я вдруг на секунду представила себя в роли покорной овечки, и у меня закрутило живот. Это же как себя надо не уважать?

Но смею заметить, в этом мире всё-таки существует то, что может поставить меня на колени – вкусные мамины вареники с белорусским домашним творогом, богато политые растопленным сливочным маслом. Ммм!

С чувством жалости смотрю на Альбину и понимаю, что лучше быть одиночкой – изгоем, чем безропотной бесхребетной амёбой, гонимой течением.

Хотя Суваева Альбина сама по себе безобидная. Пару раз, когда наша Дива была на больничном, Альбина даже со мной здоровалась. Но стремление быть популярной и узнаваемой на курсе продавило всю её человечность, превращая Альбину в последнюю стерву.

Егор Бестужев смотрит на сумочку Карины, усыпанную стразами и блёстками, и одаривает девушку таким взглядом, после которого я бы на её месте почувствовала себя прилипшим банным листом.

– Валяй, – пожимает плечами Бестужев и, подпирая рукой подбородок, со скучающим видом отворачивается от дивы. Мы снова встречаемся взглядами, и теперь уже я спешу опустить свои окуляры в учебник.

В настройках Карины программа собственного достоинства не установлена заводом-производителем, поэтому, не смущаясь, деваха размещает свою подкаченную пятую точку на соседний стул и начинает раскладывать свои яркие ручки по цветам радуги на столе.

4. Вера

– В зависимости от того, на каком этапе инвестиционного цикла выполняется инвестиционный проект и для какой цели он служит, он может иметь вид: ПТЭО, непосредственно самого ТЭО и бизнес-плана, – вещает под диктовку Марк Ифраимович, а я вместо того, чтобы конспектировать за профессором, закусив колпачок ручки, нагло разглядываю Бестужева.

Я не собиралась.

Просто его выдвинутая в проход нога меня начала раздражать. И мне было бы безразлично то, что длинные ноги парня не умещаются под партой, но, когда его левая нога пришла в движение и начала покачиваться, я не смогла этого не заметить.

Это, что, нервное? Или глупая привычка?

Его колени широко расставлены, а руки сложены на груди.

На самом деле Кира права. С июня Егор Бестужев возмужал и стал ещё шире в плечах. От кого-то я слышала, что мой одноклассник занимается профессиональным спортом, и не понятно, какого лешего он забыл на Менеджменте, потому что спортивная олимпийка на замке куртки с известной эмблемой на спине и трико явно намекают на то, что Бестужев собирался не на Управление рисками, а на физкультуру, причём каждой парой.

Его короткостриженный ёжик волос под стать своему хозяину. Меня улыбает, когда представляю Бестужева, каждым утром укладывающим волосы в стильную причёску. Такую, как у Чернышова, например.

Егор сидит вполоборота от меня, и полностью мне его лица не видно. Но даже так мне отчётливо заметны все неровности и неидеальности его кожи: мелкие шрамы, случайные порезы, три родинки в виде правильного треугольника на левой щеке. Профиль его лица выдает небольшую горбинку носа, и мне вдруг становится интересно, это его физиологическое строение, или он был кем-то сломан? Линия упрямо сжатых, слегка потрескавшихся губ и сведённых бровей, если не знать Егора, то те могли бы намекнуть на то, что мой одноклассник напряжён или чем-то озабочен, но не стоит отдаваться заблуждениям, потому что грустные брови Бестужева – это какая-то странная мимическая особенность. Они всегда незначительно сведены к переносице, придавая лицу тень печали и грусти. Даже усмехаясь, Бестужев как будто грустит.

Опускаюсь взглядом ниже и разглядываю кисти его рук, выглядывающие из-под олимпийки с разбитыми косточками и подстриженными под самый корешок ногтями.

Да-аа, до идеала – Артёма Чернышова далеко.

Бестужев сидит предельно расслаблено, с тем же самым невозмутимым выражением лица. Его поведение можно было бы назвать хамским, потому как сидеть за первой партой, не имея при себе даже ручки с тетрадкой, и так откровенно зевать может только самоотверженный или отморозенный.

Со скучающим видом Егор заглядывает в розовый блокнот Дивеевой и усмехается, глядя на то, как Карина старательно подчёркивает понятия и определения, но не для того, чтобы выделить основные тезисы, а для того, чтобы просто было красиво.

Мне тоже смешно, и я не успеваю подавить улыбку, как ловлю на себе взгляд сощуренных грифельных глаз, левый из которых нагло мне подмигивает. Шариковая ручка, зажата между зубами, с глухим шлепком вываливается из моего рта и могу поспорить, выгляжу я в эту секунду как пришибленная.

Он сейчас подумал, что я улыбалась ему?

Вот же ёлки-иголки!

Быстро отворачиваюсь, надеваю маску невозмутимости и принимаюсь за конспект, как справа слышу приглушённый смехок Егора.

– Но мы с вами, уважаемые будущие великие экономисты, остановимся на бизнес-плане. Его разработка обычно предшествует разработке ТЭО, он может быть альтернативой ПТЭО, заменять ТЭО или служить в более сложных проектах итоговым максимально компактным документом. Поэтому, – Марк Ифраимович опускает очки на нос и проходится пытливым взглядом по каждому, останавливаясь на лице Бестужева, – каждый из вас начинает готовить бизнес-проект. Такова будет ваша самостоятельная работа, которая и выльется в ваш будущий курсовой проект. Разработчики лучших бизнес-планов получают оценку автоматом по моему предмету на экзамене.

Профессор Бубновский сверлит Бестужева взглядом и мысленно обещает, что произнесённая информация касается всех, кроме него, потому как вероятность Егора получить автомат по Управлению рисками у Бубновского равнозначна выигранному чемпионату мира по футболу нашей сборной – то есть равна нулю!

– И сколько у нас есть времени на подготовку? – с умным видом спрашивает Карина, наматывая блондинистую прядь волос, кстати натуральную, на палец. Её интерес совершенно не связан с тем, чтобы скорее начать готовить проект, ей просто нужно знать конкретную дату, к которой будет выполнена на заказ проектная работа.

– До середины декабря, точную дату сдачи сообщу позже. Методические рекомендации по разработке бизнес-плана возьмёте на кафедре. Вопросы?

Вопросов ни у кого нет.

Тишина гробовая.

Но это пока.

Пока группа находится во всеобщем состоянии аффекта.

Чуть позже, да и в принципе прямо на следующей паре, профессора Бубновского будут крыть такими диалектами, что бедному преподавателю вряд ли получится уснуть этой ночью от повышенного артериального давления.

В самом деле, подготовить целый бизнес-план с многочисленными расчётами, графиками, диаграммами, экономическим анализом, бюджетом и прогнозированием – достаточно трудоёмкий и энергозатратный процесс, который лично у меня уже зудит, желая поскорее начать воплощать себя в жизнь!

5. Вера

В фойе на первом этаже не протолкнуться.

Я стою в очереди в гардероб за пальто и нервно сжимаю номерок. По понедельникам после окончания пар у нас с ребятами из книжного сообщества «Читаем вместе», в котором я состою уже второй год, брифинг в главном административном корпусе вуза. У меня есть всего одна минута, чтобы одеться и перебежать между лужами от экономического корпуса до главного. И я даже не успеваю ничем перекусить, о чём жалобно напоминает мне урчащий желудок. То, что двумя парами ранее в нём побывал злаковый батончик, он, естественно, не помнит, но помнит мамины жирненькие оладушки, которые так не кстати отложились в моём подсознании.

Гардеробщица сегодня одна и носится в мыльной пене между рядами одежды, возвращая очередь из студентов ежесекундно.

Считаю, сколько передо мной человек, и когда дохожу до цифры 12, слева от себя слышу противный знакомый голос:

– Мы вместе, правда, подружка?

Карина, Альбина и две девочки из второй группы стоят рядом и улыбаются самыми сахарными улыбками, какими только умеют.

Оборачиваюсь назад и вижу длинный хвост из студентов.

Прямо за мной в очереди стоят два парня, которые с полным обожанием пооткрывали рты и облизывают глазами Дивееву.

– Нет, – грубо бросаю я и отворачиваюсь, собираясь продолжить подсчёт.

Ещё чего не хватало! Пусть идут в конец и ждут своей очереди!

У меня подгибаются коленки, а очки спадают на нос, когда атлетическая тяжёлая рука Карины падает мне на плечо.

Задираю голову, потому что дива местного разлива намного выше меня, и округляю вопросительно окуляры.

– Это она так шутит! – наигранно смеется Карина, и от этого мерзкого звука мне приходится поморщиться, – вы же позволите, мальчики?

Мальчики, точно гипнотизированные, кивают болванчиками, и пропускают вперед себя четырёх наглых студенток.

Моё плечо выдыхает, когда освобождается от руки-гири, но зато затылком я чувствую, насколько близко сзади стоит Дивеева и высверливает в моей макушке дыру.

«Ну, когда же уже!» – хочется топнуть ногой.

Начинаю злиться, когда вижу, как впереди к одному студенту подходят ещё по несколько вот таких вот Карин и очередь из 9 передо мной стоящих молниеносно вырастает до 14 человек.

– Вы купили новые сапоги, Вера?¹ – очень громко раздаётся за спиной.

Настолько громко, что оборачиваются все и выискивают ту самую Веру, у которой новые сапоги.

Медленно поворачиваюсь к Карине, потому что моё тело сковало под пристальным всеобщим вниманием студентов, которые отчего-то побросали свои разговоры и усталились на мои новые замшевые полусапожки.

Но куда больше меня интересует, откуда блондинка Карина может знать фразу из любимого старого фильма моей мамы. Почему-то я была уверена, что, кроме ю-туб роликов про моду и косметику, Дивеева больше ничего не смотрит.

¹ Вы купили новые сапоги, Вера? – фраза из советского фильма 1977 года «Служебный роман».

– Альбин, я не узнаю, это Джимми Чу или Александр Маккуин? – деланно восхищённо обращается Дивеева к Суваевой.

– Карина, ты что? – оскорбляется Альбина, прикладывая ладонь ко рту, – как можно не узнать стиль Черкизон?² Это же из их последней коллекции.

Подпевалки из их компании начинают наигранно смеяться, а ведомое стадо баранов подхватывает всеобщее веселье, закатываясь безудержным глупым смехом.

Их смех, словно плевки со всех сторон, от которых хочется немедленно отмыться. Я чувствую, как увлажняются под очками мои глаза, но позволить себе перед ними проявить слабость – унижить себя сильнее. Мне так противно и отчего-то стыдно, что хочется сесть на корточки, как в детстве, сложить руки домиком и спрятаться в нём, пока не отступит опасность.

Все они продолжают смеяться, совершенно не зная даже моего имени. Для них сейчас я – объект веселья, потом будет кто-то другой, возможно, даже тот, кто со всеми сейчас насмехается.

Я смотрю в торжествующие глаза Карины, чувствующей себя победителем. Такие, как она, подпитывают свой эгоцентризм и озлобленность насмешками и издевательствами, самоутверждаясь за счёт других, «не таких, как все», слабых и неугодных.

– У вас устаревшая информация, *дорогие подружки*, – натягиваю равнодушную улыбку, – Черкизовский рынок закрыли ещё в 2009 году. Эти сапожки, – показываю на замшу, – с Дубровки³.

Вырываюсь из кольца малодушных и несусь в ближайший туалет.

Закрываюсь и даю свободу слезам. Снимаю очки, чтобы удобнее было поплакать и усаживаюсь на корточки, облачаясь на дверь.

Не стираю слёзы, пусть вытекут все, высмаркиваюсь в салфетку и трогаю замшевый носик. Потом опускаю глаза и рассматриваю тёплое тёмно-зелёное платье ниже колен с белым воротничком, круглые очки, зажатые в руке и чёрные колготки в 220 ден.

Обида за себя перерастает в злость, и всё, что на мне надето, вдруг кажется полной безвкусицей. Слова Дивеевой принимают реальные очертания, и я ругаюсь на себя за то, что своим пуританским видом удобряю почву для насмешек Карины.

Сегодня утром, стоя перед зеркалом, я казалась себе милой и искренне верила, что Артёму Чернышову так покажется тоже. Я хотела понравиться ему, а привлекла лишь насмешливое внимание Дивы. Я не умею быть модной, да и возможности такой у меня нет, но, как показала практика, важно не только наличие мозга в твоей голове, но и то, во что и как ты одет.

Поднимаюсь с пола, умываю красный распухший нос, надеваю ненавистные очки и шагаю в гардероб, надеясь, что толпа рассосалась.

Вы купили новые сапоги, Вера? – фраза из советского фильма 1977 года «Служебный роман».

² Черкизон – Черкизовский рынок в Москве, крупный вещевой рынок, существовавший с начала 1990-х годов по 2009 год, где нелегалы из Средней Азии подпольно производили одежду и обувь из дешёвого сырья для незаконной продажи.

³ Вещевой рынок Дубровка – действующий рынок в Москве.

6. Вера

– Куда собрался? – доносится из прихожей голос мамы.

– Я же говорил, что иду на игру с пацанами, – слышу возню брата и звук застегивающейся молнии.

– Ром, ну возьми Веруню с собой, будь братом, – умоляющим голосом шепчет брату мама, наверняка уверенная в том, что я не слышу их из комнаты с открытой дверью через два метра от них, – что-то она загрустила совсем.

Это действительно так.

После того, как я забрала свои вещи из гардеробной, на читательский брифинг я не пошла. Вряд ли кому-то из ребят понравится лицезреть мой распухший нос и красные глаза, да и у меня настроение было не тем, чтобы обсуждать предстоящий марафон «Ночь в библиотеке».

Я бежала домой уже не с такой фанатичной аккуратностью, и один раз мне даже захотелось специально наступить в грязную лужу и намеренно испачкать опротивевшие замшевые сапоги. Но благодарная умница-дочь во мне не позволила совершить столь неблагоразумный поступок обиженной девочки, напомнив, какого труда стоит моим родителям одевать нас с братом.

Злясь на себя, мне хотелось устроить протест, бойкот и наказать себя отказом от обеда.

Но мамины котлеты призывно смотрели на меня из глубокой жаровни, а воздушное картофельное пюре так и манило проверить, настолько ли оно нежное, как кажется.

И я проверила.

Отказаться пришлось от чая с конфетами, но это я сумею пережить.

Наспех сделав домашнюю работу, я даже не стала садиться за проект Бубновского, а решила пострадать, завалившись в кровать и обняв любимую жёлтую подушку в виде улыбающегося смайла в очках, которую мне подарил брат на восемнадцатилетие. Включила плейлист из папки «поплакать» и воткнула наушники, сделав музыку ненавязчивым фоном.

– Издеваешься, мам? – громко шепчет Рома, – ты видела её лицо? Она мне всю репутацию испортит, – вот же засранец.

С другой стороны, он прав. Сейчас я похожа на печальную какашку и вряд ли смогла бы составить брату компанию.

– Какую репутацию? Лентяя и оболтуса? – обожаю мамулечку.

– Ну, мам, – канючит мой говнистый братец, – ребята в компании даже не знают, что у меня есть сестра.

– Вот и узнают. Иди, пригласи Верунчика с собой, пусть девчонка проветрится от своих учебников, – не сдаётся мамуля.

– Там компания совсем не для Веры, мам, – торгуется Ромыч, а я вынимаю наушники из ушей и приподнимаю голову, чтобы лучше расслышать.

– Это какая там компания? Ну-ка признавайся, паршивец, – слышу хлёсткий удар и хихикаю, потому что представляю, как мама шмякнула кухонным полотенцем по заднему месту моего маленького братца, – с кем связался?

Ромыч часто огребает от родителей.

Особенно за оценки.

Потому что гены в нашем с ним случае распределились неравномерно.

Весь ум достался мне, а Роману – приторная для парня привлекательность.

Мой брательник – тот ещё ловелас-красавчик. Армия из его поклонниц исписала все стены и лифт в нашем подъезде. Практически каждые выходные папа гоняет Романа с тряпкой,

чтобы тот оттирал «Рома, я люблю тебя!» или «Рома из 11 В + Вика из 9 А=ЛЮБОВЬ», где надпись «Вика из 9 А» каждый раз меняется на новое имя и класс.

Когда я училась в одиннадцатом классе, а брат в девятом, уже тогда женские туалетные кабинки были исчерканы признаниями в любви моему брату.

Ромке не нужно стараться произвести впечатление, потому что его яркая, симпатичная внешность уже сама по себе обращает внимание противоположного пола. И даже вещи, на которые из семейного бюджета выделяется аналогичная мне сумма, на Ромке смотрятся стильнее и моднее.

– Эй, за что? – вопит Ромыч. – Да нормальные там ребята все. Просто не такие заучки, как наша Вера.

Ну понятно. И брат туда же.

Сегодня день моего полного разоблачения.

Стрёмная босячка-заучка в очках и дешёвых сапогах с базара...

А мне даже не обидно. Потому что так и есть.

– Ну-ка, рот закрой, – шикает на него мама. – Живо вернулся и взял с собой сестру. Иначе и ты никуда не пойдёшь. А, кстати, ты сделал алгебру? – понижает голос мама.

– Понял. Я за Верой.

– То-то же, – удовлетворённо хмыкает мама.

Чтобы попасть в нашу с братом комнату, ему нужно сделать всего пару каких-то гигантских шагов.

Я успеваю прикрыть глаза и притвориться спящей.

– Ты не спишь, – чувствую, как брат на меня смотрит.

– Я всё слышала. И я никуда не пойду, – накрываю голову подушкой, давая понять, что разговор окончен.

– Слава Богу, – выдыхает братец.

Вот же мелкий говнюк!

Хотя эта тушка ростом с жирафа и весом бегемота, явно не вяжется с «мелким».

Бросаю в брата подушку, и тот ловко её ловит, причем таким выверенным движением, что становится гордо за брата от того, что он хотя бы что-то умеет.

– Мам, я её уговаривал, она не хочет, – кричит Ромыч и подбрасывает подушку в руках.

Не могу я злиться на этого балбеса и расплываюсь в улыбке!

Ромка тоже!

А потом его лицо становится серьёзным, и я мимолётно улавливаю в нём уже совсем не пацанскую игривость, а мужские черты.

Подходит и усаживается рядом, отчего моя полуторка-кровать прогибается под весом этого громилы.

Кивком головы указывает мне подвинуться и закидывает свои тяжеленные ноги-дубины на персиковое пушистое покрывало.

– Ну что случилось, систер? – мы поворачиваемся к друг другу лицом, подпирая щёки руками. – Кто посмел обидеть моего очкарика? – Ромка правой рукой из большого и указательного пальцев делает полусердце – старый, но не забытый, дорогой нам жест.

При всех наших взаимных колкостях и подначиваниях мы остаёмся семьей.

До четырнадцатилетия брата мы были не разлей вода. Я делала за брата домашку, а он защищал меня от обидчиков. Мои первые крутые наушники были подарены им на деньги, которые он скопил от бабушкиных: «На, внучок, на мороженое», первая драка Романа была из-за меня, потому что мальчик из соседнего дома назвал меня: «Очкастой жабой» и после этого разбил мне очки, первый мой кулинарный шедевр был опробован братом, после чего я выхаживала его от пищевого отравления, завязывать шнурки научила брата я, а моё умение плевать из камыша на дальность – заслуга Романа.

А вот после четырнадцатилетия Ромка вдруг заметил, что он – парень и на него заглядываются девчонки. Новая компания, первая бритва и бальзам для бритья, ночные переписки с подружками, боксеры вместо хлопковых трусов с динозаврами – как-то быстро мой брат вырос.

Но я знаю, я точно знаю, что случись у кого-то из нас беда или неприятность, мы как раньше в детстве соединим две половинки сердечка, напоминая, что мы есть друг у друга...

Левой рукой сооружаю корявое полусердце и пристраиваю к красивым ровным пальцам брата.

Долго разглядываем одно большое родное сердце... Как в детстве...

– Кому мне надрать задницу? – улыбается брат.

Хохочу!

Если бы было так просто...

– Наверное, мне, – пожимаю плечами.

Ведь никто не виноват, что твоя сестра – объект насмешек.

– Я серьёзно, Вер, – хмурит брови Ромка и внимательно вглядывается в лицо. – Только скажи.

– Обязательно скажу, Ром, – улыбаюсь и убираю со лба брата упавшую тёмно-русую прядь, такого же оттенка, как у меня.

– Пойдёшь со мной? – смотрит на время в телефоне.

Задумываюсь.

А почему бы и нет?

Я давно, кроме как в библиотеке и питомнике, нигде не была, а пострадать я успею завтра на парах, глядя на потрясающее лицо Артема Чернышова, такого красивого и такого для меня неприступного.

– Если только, чтобы побесить тебя! – вскакиваю с кровати и выдвигаю все по очереди ящики комода с вещами. – Во что мне одеться?

Рыскаю глазами по полкам и выуживаю грязно-оранжевый свитер крупной вязки, которому года четыре, потому что со старшей школы в коллекции я не изменилась:

– Этот пойдёт? – показываю Ромке.

Мой брат удручённо вздыхает, накрывает лицо ладонью и громко орёт:

– Мам, так что там с алгеброй?

7. Вера

– Вот чёрт, – чертыхается брат, глядя на время, – из-за тебя, между прочим, опаздываем, – бросает в меня недовольный взгляд сверху и брезгливо морщится, когда рядом с Ромкиным носом возникает подмышка пожилого тучного мужчины.

Хихикаю, вжимая голову в плечи.

Я сижу, зажата с обеих сторон молодыми людьми с опущенными в телефон головами. В их ушах беспроводные наушники, а на лицах – застывшее выражение: «Мне на вас всех плевать». Даже если бы кому-то из них в лицо упирался огромный беременный живот, они бы не заметили. Потому что вся их жизнь там, в виртуальном мире информационных технологий.

– Присаживайтесь, – приподнимаюсь, освобождая место для мужчины, лицо которого покрылось мелкими вкраплениями пота.

Мне и самой невыносимо жарко и душно.

Час-пик в метро – тот ещё квест на выживание: с самого начала тебе нужно каким-то невероятным образом попасть в общую струю движения к эскалатору, потом таким же образом выбраться из неё, потому что на выходе тебя будет нести одним бешеным горным потоком, и не факт, что в нужном тебе направлении.

Дальше стоит применить всю свою наглость, юркость и ловкость, чтобы успеть запрыгнуть в вагон и не быть задавленным дверью.

И даже если ты успешно прошёл все предыдущие этапы, это совершенно не говорит о том, что ты выживешь в вагоне, а не задохнешься от недостатка кислорода и избытка зловоний.

– Спасибо, доченька, – протискивается мужчина, задевая мои очки и отдавливая ногу.

Его XXXXL – размер против моего XS очевиден, поэтому, когда его крупногабаритное тело приземляется на то место, где была сдавлена я, не заметить падение астероида невозможно.

Наконец-то, оба парня возвращаются на землю и пытаются установить зрительный контакт с горящим табло станций. И когда оба понимают, что давно проехали свои остановки, пытаются пробиться к автоматической двери.

И тут хотелось бы процитировать слова «великого филолога современности» – Джигана, только в более мягкой форме: «А нифига! А нифига!».

Ведь чтобы пробраться к выходу, нужно разыграть знаменитые «пятнашки», переставляя и меняясь друг с другом местами.

– Так что ты там говорил? Из-за меня опаздываем? – обращаюсь к брату и остаюсь стоять рядом с ним, не смотря на освободившиеся два места.

– Конечно, – хмыкает братец, – ты так долго выбирала, что надеть, будто твой гардероб размером с костюмерную Филиппа Киркорова.

Мне хочется рассмеяться, но я не могу себе этого позволить, потому что сзади меня кто-то подпирает, а спереди в меня впиваются коленки полного мужчины, которому я уступила место.

Вообще-то брат прав.

После того, как Ромка высмеял мой оранжевый свитер, я долго сомневалась, что надеть.

То, что предлагал брат, мне виделось не практичным. Узнав у него, что мы собираемся на игру в крупном спорткомплексе, я предположила, что в таких больших помещениях по обыкновению бывает прохладно, а мёрзнуть мои кости не любят.

Все тёплые свитера брат забраковал, и пару раз мы даже сцепились, пока не вмешалась мама, грозно рявкнув на брата.

В итоге сошлись на тёмно-синей водолазке, которую я заправила в чёрные джинсы. А вот волосы пришлось распустить, хоть я этого до скрежета зубов не люблю, и они мне жутко

мешают, а в тандеме с очками делают из меня пятнадцатилетнего подростка, но брат выдвинул ультиматум – либо так, либо я остаюсь дома.

Оставаться дома после всех манипуляций с переодеванием соотносимо с расточительством времени, а моя рациональная натура категорически не приемлет сие попустительское отношение к делу.

Шум вагона метро нарушает Траурный марш Шопена, доносящийся из кармана ярко-красной куртки моего братца. Возможно, я бы стыдливо покраснела, если бы хоть кто-то из плотно набитого вагона обратил на нас внимание. Но дело в том, что в огромном мегаполисе до тебя никому нет никакого дела, и чем-то удивить здесь практически невозможно.

– Да подъезжаю я уже, – басит в трубку Ромка, – на меня два билета возьмите. Да, ты не ослышался, два. Всё, давай, потом объясню, – отключается брат, заталкивая телефон обратно в карман.

– Так что за игра? Ты мне не рассказал, – пока мы едем, хочу подробнее узнать, на что я променяла сегодняшний вечер страданий.

– Турнир по гандболу. Игра за выход в четвертьфинал, – оповещает Рома.

Гандбол...

Это там, где бросают друг другу мяч?

Пытаюсь вспомнить, что я знаю про гандбол и понимаю, что практически ничего. Довольно непопулярный вид спорта, как мне кажется.

– Не знала, что ты интересуешься гандболом.

– Лёха, мой друг, играет в юношеской команде, – пожимает плечами, а я понятия не имею, кто такой Лёха, – мы компанией ходим к нему на игры. Да я и сам как-то... – замолкает брат на полуслове, так и не договорив.

– В смысле? – пытаюсь развернуться и посмотреть брату в лицо. – Тоже играл?

– Ну было... – мнётся стыдливо брат, будто сознаётся в каком-то преступлении. – Так, на несколько тренировок походил.

Ах, вон оно что!

А я понять не могла, откуда у брата появились такие ловкость и гибкость в движениях.

– Я и не знала, – ну надо же! Как же так, живя в одной комнате с братом, корпя над учебниками, и не заметила, чем увлекается мой младший братец. – А почему бросил?

– Да у меня уже возраст... ну знаешь, надо было, типа, раньше начинать, – пытается отмазаться Ромка, забегав глазами.

Вот жук хитрый!

– Ой, да не ври ты! Скажи, что просто лень на тренировки ходить, – смеюсь я, – придумал тоже, возраст какой-то!

– Да там занятия каждый день по три часа, никакой личной жизни, – обиженно бухтит мой лентяй-брательник и отворачивается.

Мне хочется отвесить ему подзатыльник, но, во-первых, я не дотянусь, а, во-вторых, объявляют нашу остановку «Багратионовская».

8. Вера

Напротив входа Волейбольной арены «Динамо», подсвеченной уличными фонарями и редкими огнями самого комплекса, переминается небольшая компания ребят. Почему-то я сразу понимаю, что они по наши с Ромкой души.

Три парня и две девушки пританцовывают на месте, шурясь от промозглого осеннего ветра.

Да, московская осень сурова, но совсем не от того, что слишком зла, просто она хочет, чтобы люди согревали друг друга, обнявшись, дарили тепло и заботу, проводили добрые семейные вечера вместе за чашкой душистого мятного чая.

Вот и я жмусь к брату и цепляюсь за локоть, переходя через дорогу к Арене.

Ребята нас замечают, и уже на расстоянии я чувствую, как меня просканировали рентгеновскими лучами девушки, задержавшись на руке, впившейся в локоть брата.

Оу!

Для них я сейчас незнакомка-соперница, и они меня уже ненавидят!

А вот во взглядах парней я читаю интерес, но не мужской, к сожалению, а скорее недоумевающий и вопрошающий о том, что эта замухрышка в очках делает рядом с их крутым другом.

– Здорова, пацаны! – Ромка приветственно пожимает руки парням. – Снежана, Анжела, привет, девчонки!

Ой, а что это за звук?

Ах да, это же я хрюкнула!

А можно еще раз повторить имена девочек? И уточнить, кто из них, кто!

Мне хочется спросить, настоящие ли у них имена или из разряда: «А какое тебе нравится, красавчик? Такой я и буду», но решаю тактично смолчать, потому что моего вылетевшего хрюка и так было достаточно.

– Всем привет, – улыбаюсь, как дурочка в очках, и машу ребятам. – Я – Вера, девушка Ромы!

Воцарившуюся тишину нарушает звук двух падающих челюстей: Снежаны и Анжелы.

Их лица... Это надо было видеть. Точно застывший кадр с непомерно обалдевшим Николасом Кейджем «Да ладно?» из «Поцелуй вампира».

– Она шутит, – первым отмирает брат и наигранно смеется, толкая меня в бок, – Вера – моя сестра.

Ну вот, как всегда, мой брат-балбес всё испортил. А ведь лица Снежаны и Анжелы могли бы стать новым популярным мемом в сети.

Парни поумнее будут, потому что начинают смеяться, тогда как близняшки с именами-фантазиями соискателей быстрой любви непонимающе смотрят то на меня, то на брата.

– А мы не знали, что у тебя есть сестра, – парень в тёмном укороченном пальто с неподдельным интересом слегка наклоняется и пытается рассмотреть меня за запотевшими от осенней сырости очками.

– Ещё бы, – хмыкает Ромка. – Она – приёмная. Родители недавно её удочерили.

Теперь челюсть падает у меня.

Вот же говнюк!

Ладно, братишка, пока счет 1:1, но вечер обещает быть долгим! А я не привыкла, чтобы последнее слово было за кем-то.

– А куда им было деваться? Единственный же родной сын – дурачок, теперь хотя бы есть, кем гордиться, – парирую я.

Ромка лыбится и щипает меня за нос!

2:1!!!

Так-то!

– А ты прикольная, Вера, – веселятся парни под недовольный скрежет зубами Снежаны и Анжелы.

Двигаемся, девочки, двигаемся! Сегодня обиженная и униженная Вера будет править балом!

Думаю, что в Пентагон попасть легче, чем в Спортивный Волейбольный Комплекс. Нас досматривали круче, чем в аэропорту, и не заглянули разве что только в трусы.

Мои глаза расширяются, а рот самопроизвольно открывается, когда мы попадаем на главную спортивную арену.

Два яруса из сине-голубых трибун практически под завязку заполнены скандирующими болельщиками с флагами, дудками и прочей спортивной атрибутикой.

Мне хочется пойти туда, где активная толпа с плакатами выкрикивает: «Пермские медведи! Вперёд к Победе!» – и пристроиться к ним.

Но Ромка недовольно одёргивает меня и тянет за водолазку, уводя в совсем противоположную сторону.

– Это не наши, – фыркает брат.

А кто наши?

Мне-то вообще до лампочки, кто – наши, а кто – нет! Я хочу с теми весёлыми ребятами дудеть в дудку и кричать в кричалку!

В секторе «наших» – гармония.

Можно было бы подумать, что болельщики «наших» заведомо знают о неблагоприятном исходе игры, поэтому собрались здесь не ради того, чтобы веселиться, а помолиться за любимую команду.

По численности трибуны с «нашими» в два раза превосходят «не наших», но атмосферу задают болельщики из Перми.

То, что они из Перми – мне поведал брат, рассказав, что сегодняшний матч – игра за Первенство России среди юниоров между нашими «ЦСКА» и не нашими «Пермскими медведями».

Кручу по сторонам головой и разглядываю рекламные борты, небольшой информационный экран и спящих «наших» болельщиков. Я уже подумываю предательски перебазироваться на сторону врага, как после громкого объявления ведущим команды ЦСКА, «наша» трибуна взрывается ядерным взрывом!

Откуда у них эти барабаны? Они, что, прятали их под сидениями?

Болельщики армейцев вскакивают со своих мест и оглушающе приветствуют выбежавших на поле спортсменов.

Толпа бушует и сходит с ума, когда ведущий перечисляет фамилии игроков, среди которых я отчетливо слышу – Егор Бестужев.

Егор Бестужев?

Надвигаю очки как можно ближе к глазам, будто это сможет помочь разглядеть парня в голубых трусах-шортах.

Эх, мне бы сейчас ещё одни очки сверху!

Прищуриваюсь!

Ёлки-иголки, ну точно он!

Толкаю брата в ребро, мило воркующего то ли с Анжелой, то ли со Снежаной, я не запомнила, кто из них кто.

– Ромыч, это кто? – киваю на разминающегося парня в красной футболке с эмблемой спортивного клуба. – Тот, что в голубых трусах приседает.

– Они все в трусах. Вообще, это шорты, – смеётся брательник.

– Да, но не все в голубых.

– Это значительно сужает круг разыскиваемых, – угорает Ромка.

– Не тупи, Ром, – злюсь на брата, – вон тот, самый высокий.

Мой одноклассник действительно самый высокий в команде, и мне почему-то кажется, что для этого вида спорта быть невысоким, но ловким и лёгким в движениях гораздо важнее, чем рослым неповоротливым увальнем.

– Ааа, это Бес – лучший бомбардир⁴ команды, – с гордостью декламирует Ромыч. – Он – настоящий чёртов непрошибаемый танк! – восхищается братец.

Пфф! Хмыкаю.

Лучший...

Кто такой бомбардир – мне не известно, да и мало интересует. А вот то, что он – лучший, меня слегка коробит.

Никак не думала, что Бестужев, человек, которого преподаватели знают исключительно по опущенной на руки макушке во время его сна на парах, может быть хоть в чем-то лучшим.

А вот в том, что он – непрошибаемый танк, полностью согласна. Его именем чужим называют, а он равнодушно при этом зевает.

– Прогульщик и двоечник, вот кто он, – возмущённо брякаю брату, но он, скорее всего, не слышит, потому что судья даёт гудок, и зал начинает вибрировать под криками болельщиков, барабанными ударами и мотивирующими музыкальными хитами.

⁴ Полусредний игрок (бомбардир) – рослый, сильный спортсмен, способный противостоять силовым действиям защиты, как правило отвечают за начало атаки в гандболе.

9. Вера

Я даже не пытаюсь понять правила игры, потому что слежу исключительно за парнем с коротким ёжиком волос.

Когда мяч попадает в руки Егору Бестужеву, я готова взять свои слова обратно и, не жуя, проглотить целиком.

Ёлки-иголки, этот парень просто фантастически двигается!

Даже я, полный профан, закрываю лицо руками и поджимаю пальчики ног, когда Бестужев атакует, и искренне не понимаю, как выдерживает сетка после его смертельных бросков.

Трибуна ликует и свистит, выкрикивая фамилию Егора. Но больше всего меня поражают болельщицы с третьего ряда, на футболках которых изображено грустное лицо Бестужево с кричащей надписью: *«Егор – самый лучший! Мы тебя любим!»*. Девчонки скачут, размахивая руками, и пытаются привлечь внимание моего одноклассника, и я уверена, они бы с радостью посрывали с себя эти футболки и побросали Бестужеву вместе с номерами своих телефонов.

Да вон даже Ангела и Снежана, облизываясь, поедают глазами парня, напрочь забыв про моего брата.

– Бестужев безошибочно передаёт мяч нападающему Алексею Воронину. Защитник Медведёв не успевает заблокировать передачу Бестужева. Воронин входит в линию. Внимание! – сокрушается на всю арену комментатор матча.

– Лёха, давай, Лёх, – орёт мой брат, прыгая на месте.

Я пытаюсь разглядеть, что происходит на поле, но беснующаяся толпа точно под энергетиком повскакивала со своих мест и стеной загородила обзор.

– Гоооол! – содрогается арена «Динамо». – Алексей Воронин, благодаря тактической передаче Егора Бестужева, увеличивает преимущество армейцев перед медведями. Вот это игра, товарищи! – вещает откуда-то сверху комментатор.

«Егор! Егор! Егор!» – скандируют трибуны, сопровождая общее ликование ударами барабанов и адским гулом вувузель⁵.

И хоть мяч в ворота забросил некто Воронин, даже я понимаю, что, если бы не ловкость и скорость Егора, вряд ли у нападающего получилось это сделать самостоятельно.

«Красно-синие вперёд! Вас Егор не подведёт! Егор! Егор! Егор!» – кажется, я ору вместе со всеми.

Глаза моего брата горят восторгом, на лицах парней застыло выражение подобострастия, а девчонки и вовсе готовы передрасться за внимание местной звезды гандбола.

И только Бестужев с равнодушным, всё с тем же невозмутимым видом, утирает подолом футболки вспотевшее лицо и лениво подмигивает фанаткам из третьего ряда в именных футболках.

Девушки визжат, падают в обмороки и бьются от счастья в конвульсиях.

Популярность моего одноклассника слегка озадачивает и сбивает с толку.

Это я учусь в одной группе со спортивной звездой?

Каждая из этих болельщиц мечтает прижать к носу пропитавшуюся потом футболку Бестужева, а я дышу с ним в аудитории одним воздухом и ничегошеньки о нём не знаю. Если бы девчонки из третьего ряда об этом распознали, живой бы я с этой игры точно не выбралась.

– Ииии лучшим бомбардиром игры становится... Егooooор Бессс...тужев! – точно на боксерском ринге протягивает ведущий.

⁵ Вувузела – длинный розжок, используемый во время матча для усиления звукового шума.

А у меня уши в трубочку сворачиваются от такого количества раз произнесенного имени Бестужева. Я за полтора года обучения с ним в одной группе не слышала о нём столько, сколько за последние полтора часа своей жизни.

Так, значит, вот ты какой, одноклассник с постоянно грустными глазами и скучающим выражением неидеального лица!

– Ромка, стой! – вылавливаю брата, вышагивающего с голым торсом из душа. – Иди сюда, разговор есть! – хлопаю по кровати, приглашая Рому присесть. – И прикройся, не травмирую мою психику.

Жду брата, скрывшегося за занавеской, и разглядываю завораживающие вращающиеся планеты на потолке. Ночной полумрак и подобие звёздной россыпи над головой наполняют комнату таинственностью и волшебством. Удивительно, что сегодня он снова заработал. Этот детский ночник вырос вместе с нами. Нам с братом подарила его бабушка, и он настолько древний, что давным-давно механизм проектора вышел из строя. Ромка хотел его выбросить, а мне он дорог. В детстве, когда я болела, мне нравилось наблюдать за плавным вращением звёздных систем, они успокаивали и перемещали меня в придуманный сказочный волшебный мир, где я была прекрасной принцессой без очков, а верными друзьями у меня были гномы! Мне казалось, что я даже быстрее поправлялась!

Я сохранила этот ночник в качестве настольной лампы, а сегодня он меня удивил и вновь вернул ту самую сказку из детства.

– Ух ты! Заработал? – не меньше меня удивился Ромка, плюхаясь на кровать. – Чё за разговор, сестренка? – зевнул брат, не потрудившись прикрыть свою пасть. – Спать хочется, страсть.

Жмусь и потираю вспотевшие ладошки о простыни.

Не знаю, с чего начать разговор, чтобы Ромка вдруг не так понял моего возникшего интереса.

А он может!

– Ром, а ты откуда знаешь Егора Бестужева?

После игры брат с ребятами ещё некоторое время зависали в раздевалке парней из команды армейцев.

Меня в мужскую раздевалку не приглашали, впрочем, как и Снежану с Анжелой, которые узнав, что останутся со мной в холле, слиняли под ручку в дамский туалет, и больше мы с ними не виделись. Куда они там смылись, понятия не имею, но настроение у меня сразу улучшилось!

– Так Леха, друган мой, с ним в команде играет, вот и тусим в одной компании. А что? – прищуривается брат и гаденько лыбится. Вот я и говорю, уже что-то насочинял себе! – Понравился, что ли, а, Верунчик?

– Ополоумел совсем!? – оскорбляюсь и кручу пальцем у виска. – Он – мой одноклассник, вот и всё.

– Бреешь? – подскакивает брательник и поражённо впивается в меня взглядом.

– Нисколько, – отрицательно кручу головой.

– Ну делаааа... – протягивает брат.

– Угу, – поддакиваю я. – И что ты можешь о нём рассказать? – делано безразлично пожимаю плечами и ковыряю ноготь, чтобы не смотреть брату в глаза.

– А что рассказывать? Ты и сама всё видела! – фыркает брат, будто я спросила несусветную чушь. – Эх, мне бы так играть, – вздыхает лентяй-брательник. – Погоди, – расплывается ехидной улыбочкой, – тебе он нравится! – деловито заключает Ромка.

– Что за чушь? Я его знать не знаю.

– Нравится-нравится!!! – веселится брательник, а я начинаю на него злиться. Потому что это не так. Мне Артём Чернышов нравится, и его кожа, а не этот оглобля в трусах! – Но, увы, Верунчик, тут тебе не светит, – поджав губы, печально констатирует Рома.

– В смысле? – мне-то и не нужно, чтобы светило, но как-то прямо обидно за себя стало.

– За ним знаешь, какие девчонки бегают... – замолкает брат, а я мысленно договариваю за ним фразу: «Не то, что ты».

Знаю.

Видела.

На улице пруд пруди девчонок в таких коротких юбках, что аж сама на себе почувствовала, как *туда* задувает!

Все они ждали его, Егора Бестужева, звезду гандбола!

– Вот и пусть бегают! – обижено бубню я. – А он?

– А он от них бегают!

– И никто не догнал?

– Да не знаю я, – злится брат. – Но в компании у него каждый раз новая подружка. Всё, отстань, спать я пошёл.

Ромыч встаёт и уходит в свою конуру, а я закусываю нижнюю губу и прокручиваю в голове сегодняшний день и разговор с братом.

«Значит, никто не догнал... Так-так».

Звезда гандбола, популярный парень, Дон Жуан и козлиная, меняющая девчонок как носки!

Откуда у меня возникнет эта идея, я не знаю.

Возможно, под впечатлением прошедшего дня, возможно, под гипнотизирующим действием волшебного ночника она приснилась мне во сне, возможно, Ромкины слова прозвучали, как брошенная в лицо перчатка, которую я опрометчиво приняла, но просыпаюсь я с совершенно безумным и, скорее всего, провальным планом!

10. Вера

На следующий день решаю приглядеться и понаблюдать.

Я проснулась с боевым настроением, готовая воплощать свой безумный план в жизнь, но, подбегая к Институту экономики, мой настрой явно начал сбоить, подавая сигналы о том, что всё это полный идиотизм.

И вот битый час, сидя на общей лекции всего потока по Менеджменту, я разглядываю Чернышова и сопоставляю все «за» и «против», оцениваю, насколько сильно он мне нравится, чтобы решиться на подобную авантюру.

Чернышов, Роберт, Дивеева и Альбина сидят вчетвером, и обсуждают они явно не организационные структуры управления.

А потом происходит то, что окончательно выбивает из моей головы глупые мысли о том, как привлечь внимание Чернышова.

Кажется, мои очки сейчас треснут от того, с какой завистью я прожигаю руку Артёма, поглаживающую точёную скулу Карины. Парень заботливо убирает упавшую на лицо светлую прядь Дивеевой и смотрит на местную королеву с таким трепетом и восторгом, как я на вареники с творогом.

Эх...ну что за парень!

Мечта любой девчонки!

А достался длинноногой цапле Карине, чей мозг размером с мозг колибри, той девице, которая ещё вчера висела на Бестужеве, а сегодня окучивает моего Артёма.

А, кстати!

Рыскаю очками по аудитории, выискивая звезду гандбола.

Ну ещё бы!

Не звёздное это дело, сидеть с утра пораньше на парах, когда вчера после матча твои спортивные трусы чуть не порвали фанатки, сражаясь в убийственной схватке за звёздный трофей.

Отсутствие на занятиях Егора воспринимаю как знак и с превеликим сожалением принимаю тот факт, что утренняя идея провальна и бессмысленна, когда Артём Чернышов смотрит на Карину таким влюблённым, полным обожания взглядом.

– Итого, остаток денежных средств по расчётному счёту на конец рабочего дня равен? – преподаватель по бухучету прерывает запись на доске и поворачивается к студентам. – Чему равно сальдо конечное, кто хочет ответить?

Смотрю на старшего преподавателя, который застыл с таким выражением лица, как если бы в его бухгалтерском балансе дебет не сошёлся с кредитом.

А всё потому, что Дивеева первый раз в его практике, да и на моей памяти, тянет руку.

– Карина? – кажется, удивлены все.

– Сергей Сергеевич, – Дивеева театрально встаёт, разглаживает невидимые складки на микроскопической юбке и делает глубокий вдох, будто, и правда, готовится сказать что-то умное. – Вера хочет ответить.

Э-э-э... Что?

Вся наша группа дружно заливается нестройным хохотом, а я заливаюсь краской.

Вот же цапля болотная!

– Присаживайтесь, Карина, – в недоумении бормочет наш молодой преподаватель. – Вера?

Он смотрит на меня, как на недоразвитую, не способную за себя ответить, прибегающую к помощи со стороны.

Бросаю в Дивееву свой самый уничтожающий взгляд, в ответ получая злорадную усмешку.

Надеюсь, твоя желчь когда-нибудь отравит тебя саму.

Без труда отвечаю на вопрос и жду окончания семинара, чтобы скорее смыться домой.

– А где же твои новые сапоги? – торопливо вскакиваю с места, как только слышу звонок с пары. Собираю со стола вещи и трамбую в рюкзак, когда слышу неподалеку ненавистный голос Карины.

– Наверное, расклеились после дождя, – язвительно подыгрывает Альбина.

А-А-А!!!

Как же они меня достали!

Однотруппники, не успевшие покинуть аудиторию, притормаживают в дверях и с интересом наблюдают за происходящим.

Ну начинается.

А я так надеялась, что сегодня история с замшевыми сапогами не повторится и забудется кратковременной, как у антилопы гну, памятью Дивы.

Но я действительно сегодня пришла в старых джорданах, точно для себя решив, что сапоги больше не надену, по крайней мере, в Университет.

– Не подходят по стилю к сумочке, – ядовито чеканю я, кивая на рюкзак, похожий на пузо змеи, проглотившей добычу целиком. В нём у меня куча учебных пособий, взятых в библиотеке для работы над бизнес-проектом.

Неподъёмный рюкзак еле закидываю на плечо и тороплюсь покинуть помещение, пока не расцарапала местной королеве её прекрасное ухоженное лицо.

Надоели! Сил больше нет!

Я бы с радостью поменялась с кем-нибудь местом в своей элитной группе, например, с приматом Робертом, но зато была бы поближе к Чернышову и не пересекалась с длинноногой цаплей Мариной.

Пру как бульдозер за курткой в гардероб, расталкивая баулом встречающих студентов и размахивая руками.

Чувствую опустошенность и закипающую злобу, еле сдерживаю себя в руках. Гнев захватывает с головой, осушая последнюю каплю терпения.

Надеваю огромную красную куртку Ромки, которая должна выглядеть, как стильный оверсайз, но на мне смотрится, как на беспризорнике с вокзала.

Промозглый октябрьский ветер забирается под широкую куртку, запуская по телу неприятные колющие мурашки. Наверное, в этой объёмной раздутой куртке я похожа на красный воздушный шарик, который, если бы не половина библиотеки в моём рюкзаке, унесло вместе с осенними листьями.

Непогода бушует резкими ветряными порывами, выдёргивая из туго затянутого резинкой хвоста пряди волос. Заправляю их за уши и пытаюсь пригладить гнездо на своей голове, как чувствую хлёсткий удар по лицу ледяными фонтанными струями.

Прекрасно.

Просто потрясающе.

Опускаю окуляры и рассматриваю в мокрых пятнах Ромкину куртку.

Сжимаю кулаки, закрываю глаза, а потом поднимаю взгляд к небу, спрашивая: «За что?».

Ответом мне служит голубиный помёт, прилетевший сверху и удачно приземлившийся на плечо куртки моего говнистого братца.

Теперь уже официально говнистого!

Посвящение прошло успешно!

Хотелось бы крикнуть: «К деньгам!», но говорю лишь: «Спасибо».

Спасибо, что, хотя бы не на лицо.

Можно было бы посмеяться, если бы не было так грустно.

Да что ж за день-то такой?

«Всем привет, разрешите представиться, я – Вера, главная неудачница в этой вселенной».

Скорее бегу к свободной скамейке и в бауле выискиваю влажные салфетки.

Достаю сразу полпачки и маленькое карманное зеркальце.

Ромка узнает – прибьёт!

Злорадно хихикаю, припомнив брату мою испорченную белую футболку, которую он выстирал вместе со своими чёрными джинсами.

Так тебе!

Открываю зеркальце, пытаюсь оценить ущерб обосранного имущества, но вылавливаю в нём проشمывнувшую высокую фигуру.

Резко оборачиваюсь, прищуриваюсь и наблюдаю за неспешно вышагивающим парнем в спортивном костюме.

Бестужев.

Неторопливо, засунув руки в карманы трико, двигается от корпуса в сторону метро.

Вот же прогульщик бессовестный!

Захлопываю зеркальце, выбрасываю салфетки в урну, закидываю баул на плечо и бегу за одноклассником, принимая внезапное появление Егора, как великое послание высших сил.

– Егор! – кричу, не поспевая за размашистыми шагами спортсмена.

– Бестужев Егор!

Глухой, что ли?

Парень, ни сбавляя, ни прибавляя шага, всё так же движется по направлению к метрополитену, полностью игнорируя мои крики.

Неожиданный прилив энергии запускает реактивный двигатель, и я припускаю в беге, обгоняя парня спереди.

Бестужев от неожиданности останавливается и вопросительно выпучивает свои бездонные глаза.

Ой, а красивые какие, надо же!

Сейчас, вблизи, на фоне хмурого осеннего дня они выглядят точно глубоководная река, с подводными камнями, опасным течением и заворачивающими воронками. Мокрый асфальт его глаз, обрамлённых густыми чёрными ресницами, очень подходит этой дождливой осени.

Стою, рассматриваю, как замороженная, не в силах произнести ни слова.

Егор вынимает наушник и изгибает насмешливо бровь, ожидая моих объяснений.

Ну же, Вера, отомри!

– Эм-м...привет!

Машу свободной рукой и натягиваю фальшивую улыбку, как у пингинов из «Мадагаскара».

«Улыбаемся и машем!».

Эмс...а ему не холодно? Ну... вот в этом спортивном костюме?

Вера, очнись! О чём ты думаешь!?

– Привет, – усмехается парень и смотрит куда-то мне за спину.

Инстинктивно оборачиваюсь и тоже ищу то, что могло привлечь внимание Егора.

Но ничего и никого не вижу.

Ну да ладно!

Поворачиваюсь обратно и вижу, как Бестужев кулаком прикрывает губы, а глаза его явно смеются.

– Я – Вера, – решаю напомнить, а то вдруг парень не помнит.

А он и не помнит, потому что смотрит на меня таким взглядом, будто видит меня впервые и пытается вспомнить, где видел мои очки раньше.

Хотя, что я от него хочу?

Он на занятиях был столько, что пальцев одной руки пересчитать хватит.

– Ну, Вера. Илюхина – я, – гордо уточняю однокласснику.

– Рад за него, – вяло произносит Бестужев и опять смотрит мне за спину.

Э-э-э...что?

– За кого?

– За Илюху.

Немая пауза...

Он издевается?

Оказывается, слухи о том, что спортсмены слегка туповатые, вовсе не мифы.

– Илюхина – это моя фамилия, – злобно бросаю и поворачиваюсь назад.

Куда он всё время смотрит?

Всё-таки странный он какой-то.

– А-а-а, – протягивает парень, а мне хочется добавить «Бэ!».

Ну какой же осел!

– Егор, – представляется этот звёздный недоумок.

– Я знаю, мы вообще-то учимся в одной группе, – фыркаю и хочу убежать, потому что, кажется, у меня случился передоз тупости за сегодняшний день, начиная с балбеса-брата, продолжив Кариной и заканчивая вот этим недалёким гиббоном.

Стоит признать, что мой план терпит позорное фиаско, даже не успев начаться.

11. Вера

– Точно, вспомнил, – соглашается Бестужев. – Так как, говоришь, тебя зовут?

Кажется, пауз в нашем диалоге слишком много.

Он нормальный вообще или слегка того?

– По имени меня зовут, – «пустая ты голова», – добавляю мысленно.

И что в нём находит целая армия поклонниц?

– А ты смешная, – хмыкает Егор и, теряя ко мне интерес, отворачивается и что-то набирает в своём телефоне.

Ну и манеры.

И что значит смешная?

Я стою тут перед ним, понимаешь ли, предложение собираюсь делать, а он во мне мартышку цирковую в очках видит?

Вот же Рональдо недоделанный!

– Егор! – решаю напомнить о своем нахождении, нагло дёргая парня за рукав.

Парень вздрагивает и поворачивает голову на звук своего имени.

– Ты ещё здесь? – высокомерно смотрит сверху вниз, как на докучную вошь.

– Здесь, – мои плечи обречённо опускаются.

Думаешь, мне нравится тут перед тобой стоять?

Но ради внимания Артёма я готова потерпеть твою тупость.

Он смотрит на меня со скучающим видом, посматривая на время.

Так, сейчас или никогда.

Собираюсь с духом, делаю глубокий вдох и...

– Меня утвердили в качестве твоего куратора. Ну, знаешь, типа помощь отстающим и всё такое. Так вот, я хочу помочь тебе с бизнес-проектом по рискам.

Мило улыбаюсь.

Ну мне кажется, что это выглядит мило.

Бестужев долго всматривается в меня, морщится и, скорее всего, решает, как бы повежливее отшить.

Потому что именно так я бы сама и поступила.

Жду.

– Ты сейчас сама это придумала? – складывает руки на груди, а я теряюсь под его таким осуждающим взглядом.

Мои плечи обречённо падают.

Так очевидно, да?

– Не сейчас, – обиженно отвечаю и закусываю губу. – Утром, – уверена, мои пунцовые щёки меня сдали, потому что врать я не умею. – Но помочь я тебе всё равно хочу.

– Ну окей, а зачем?

– Ну-у-у... зачем обычно помогают?

– Чтобы что-то получить потом взамен, – заключает Бестужев.

Оскорблённо всплёскиваю руками.

Театр по мне не плачет, перекрестившись, что Боженька отвёл от такой недоактрисы, как я.

– Как можно? Я от чистого сердца, – прижимаю правую руку к сердцу, а на левой скрепчиваю указательный и средний пальцы.

«От чистого сердца и грязных помыслов», – подзуживает мой праведный внутренний голос, и я сильнее заливаюсь краской.

Ох, Вера, Вера...

– Сам справлюсь, – бросает Бестужев и собирается вроде как уходить.

– А вот и не справишься! – прищуриваюсь. – Все знают, как Бубновский к тебе относится. Да он сделает всё, чтобы тебя завалить. А я бы могла тебе сделать такой проект – закачаешься! Да ещё бы и объяснила так, что ни у одного Бубновского вопросов к тебе не возникнет! Как тебе такой вариант? – пытливо выжидаю Бестужевского вердикта.

– Хорошо. А взамен тогда я должен?.. – смешно выгибает бровь и усмехается одним уголком верхней губы.

В идеале я обязана сказать, что ничего не должен, я же вроде как собралась помочь от чистого сердца.

Но это в идеале, а по моему плану...

Снова собираюсь с духом, закрываю глаза и на одном дыхании выпаливаю:

– Должен стать моим парнем.

Секунда, две, три...

Тишина.

Подозрительно тихо.

Медленно открываю один глаз, а второй расширяется от удивления сам.

Потому что...

Хватаю ртом воздух, как выброшенная на берег тарашка.

Потому что передо мной ПУСТО!

Растерянно кручу головой по сторонам и вижу, как, опустив руки в карманы спортивного трико, Бестужев расслабленной походкой выходит из студгородка, чуть ли не присвистывая.

Да как он смеет вообще?

Ну уж нет, женишок, так легко ты от меня не отделаешься!

Мои ноздри широко раздуваются, как у скакового коня, пока несусь вслед за бросившим меня парнем.

Хохотнув, подмечаю, что как-то быстро меня бросил парень, даже не успев стать тем самым парнем!

Обегаю Бестужева спереди снова и преграждаю путь.

– Опять ты? Да что ты ко мне прицепилась? – хватает меня за плечи, пытаюсь сдвинуть с пути, но баул с учебниками приходится как никогда кстати, выступая моим временным якорем.

Бестужев округляет глаза, а я победно улыбаюсь.

– Ты носишь с собой кирпичи, чтобы тебя ветром не унесло? – выпаливает мой одногруппник.

Ха-ха, смешно.

– Нет. Чтобы двинуть как следует тому, кто хватает меня за руки, – гневно смотрю на его клешни, которые почему-то до сих пор путешествуют по моим плечам. – Руки!

Егор фыркает и резко одёргивает руки, как от огня.

То-то же!

Удовлетворённо задираю подбородок, но вдруг понимаю, что с таким поведением ни одну девушку в «девушки» не возьмут.

Нужно быть как-то помягче, что ли...

– Егор...

– Сразу нет, – перебивает меня Бестужев.

Э-э-э, чё сразу нет?

– Да погоди ты. Выслушай для начала, а потом уже выводы делай.

Нас обходят студенты, потому что мы стоим по середине аллеи.

Решаю, что такие судьбоносные разговоры так не ведутся.

Бросаю взгляд на пустую скамейку рядом и кивком головы приглашаю на место наших партнёрских переговоров.

Бестужев вытягивает длинные ноги, а руки закидывает за голову, прислоняясь к спинке скамейки.

– Предлагаю сделку, – начинаю издалека.

Егор выгибает бровь, и, кажется, я читаю в его мимике подобие интереса, но мне могло и показаться.

Когда вижу, что меня не собираются послать, продолжаю:

– Я делаю за тебя проект, – замолкаю, подумав, – лучший проект на потоке, – поднимаю вверх указательный палец, чтобы выглядело моё предложение эффектнее. – А ты мне помогаешь привлечь внимание одного парня, – потупив глаза, смущённо отвожу лицо в сторону.

Звезда гандбола сосредоточенно молчит и, кажется, обдумывает моё предложение.

Уже неплохо.

– Интересно. И как я должен помочь тебе привлечь внимание какого-то парня?

– Не какого-то, а вполне реального Артёма Чернышова.

Бестужев присвистывает и ухмыляется, давая понять, что губа у меня не дура.

Но я и так знаю, что слишком лихо замахнулась, поэтому тыкать меня мордой в молоко не нужно.

– Так у него же вроде девушка есть?

Он про Карину, что ли?

Тю-ю!

– Сегодня – Карина, завтра – я! – гордо выпячиваю грудь, которой отродясь не было, и расправляю плечи. – А вот ты мне как раз и поможешь, чтобы завтра была я.

Да, самонадеянно, ну а как иначе?

– И каков план? – заинтересовано уточняет Рональдо Бестужев.

Сажусь поудобнее и сдуваю мешающий клочок волос со лба.

– Мы представимся парой, – вижу, как дёрнулся кадык Бестужева. От счастья, наверное! – Ты – местная спортивная звезда, я – тоже ничего! – а про себя добавляю *«ничего особенного»*. – Чернышов заметит меня в твоей компании, обратит внимание, оценит и поймёт, что именно я ему и нужна!

Егор гаденько морщится и проходится по мне таким взглядом, как будто перед ним сижу не я, а царевна-лягушка, которую нужно поцеловать.

Так и он не принц сказочный! И целовать меня не надо!

От представленного меня начинает тошнить.

Фу!

– Фуфло, – с деловым видом заключает Егорка, как научный сотрудник, который после нескольких лет неудачных испытаний и потраченных на нововведение инвестиций, отчитывается перед спонсорами-заказчиками.

– Почему это фуфло?

Ну и словечко.

– Потому что Чернышов твой не поверит в наше представление.

– Почему?

Сама далеко не ушла, заладила: «Почему да почему», тьфу, аж самой противно от себя!

– Потому что у меня такой девушки не может быть, – бросает свой брезгливый взгляд мне на голову, потом на лицо и останавливается на плече Ромкиной куртки.

Что он там увидел?

Опускаю лицо и вижу жёлтое жирное пятно, расплывшееся и начинающее впитываться в куртку брата.

Ёлки-иголки!

На меня ж голубь нагадил!

Я же собиралась привести себя в порядок, пока не увидела в зеркальце Бестужева.

И он всё это время разговаривал со мной и молчал?

Быстро лезу в баул под пристальным вниманием будущего фальшивого парня, извлекаю оставшуюся половину влажных салфеток и зеркало.

«Свет мой, зеркальце, скажи, кто на свете всех милее, кто румяней и белее?»

Точно не я, потому что в зеркале на меня смотрит люмпен с помойки: на голове – укладка от розетки в 240 вольт, на лице – багровые обветренные пятна, на куртке – влажные разводы, а на плече – жирное птичье пятно.

Мра-а-ак...

Хочется стукнуть себя по лбу.

Так себе претендентка в девушки, согласна.

– Извини. Меня это... – нда, Илюхина, вот уже и ты начинаешь разговаривать, как недалёкая: *«Меня это, того самого, ну ты понял»*.

Правильно говорят, с кем поведёшься!

– Обосрали? – невозмутимо помогает Бестужев.

Замираю с салфеткой в руке.

Как грубо.

Ну и мужлан.

Это все спортсмены – такие остолопы, или мне такой достался?

– Говорят: «На счастье», – пожимаю плечами.

Егор недоверчиво хмыкает, но ждёт, пока я проделаю все манипуляции по наведению порядка в своём внешнем виде.

– А так? – улыбаюсь, потом хмурюсь, поправляю очки, поворачиваюсь боком.

Просто я не умею позировать!

– Тоже не прокатит, – крутит головой Бестужев.

Ааа! Стухнуть можно!

– Вот и сделай так, чтобы прокатило! Я, между прочим, собираюсь сделать твой проект лучше своего. И тебе не придётся сдавать экзамен у Бубновского. Поэтому тебе тоже придётся постараться выполнить свою часть уговора на отлично, – злобно выпаливаю я.

Ты смотри-ка какой!

Всё ему не так!

Звезда гандбола Рональдо Бестужев внимательно разглядывает меня, а потом протягивает свою длинную культяпку:

– Хорошо, по рукам.

Довольно улыбаюсь и вкладываю свою маленькую, по сравнению с его медвежьей лапой, руку.

– По рукам.

Закрепляем нашу сделку крепким рукопожатием и на этом прощаемся.

Смотрю в след скрывающейся в метро спортивной спине, и тут в моей голове вспыхивает осознание того, что мы с моим парнем не придумали историю наших вдруг возникших отношений и не решили, как представим целому потоку нашу сомнительную пару.

Эх, да мы даже телефонами не успели обменяться...

Гадство!

12. Вера

Добрую половину ночи я промучилась, терзая себя вопросами, как достовернее проверить наше с Бестужевым дело. В голове выстраивались объемные графики, диаграммы, будущий менеджер во мне применил все изученные на парах виды управленческих решений. Они безостановочно вращались друг за другом каруселью, вызывая досадное головокружение.

Мой мозг закипал.

Я бросалась из крайности в крайность и даже приняла решение аннулировать нашу сделку и понести умственные затраты, а в качестве компенсации – написать за Рональдо Бестужева злосчастный проект.

Но тут же сознание подкидывало картинку идеального лица Чернышова и мерзопакостного – Карины. И тогда ещё с большим желанием я хотела воплотить в реал придуманный мною план.

Изнывая от распирающих мыслей, я решила действовать самым правильным и проверенным веками способом: в любой непонятной ситуации – идти спать.

И пошла.

Мне снился совершенно невероятный сон: мы шли по осеннему скверу за руку с Артёмом Чернышовым. Сухие ветки и мокрые листья приятно скрипели под ногами. Осеннее ласковое солнышко сладко поглаживало ветви голых деревьев, пожухлую траву и нежную кожу Артёма. Под солнечными лучами она излучала сияние и блеск, ослепляя своей красотой. Я смотрела и любовалась парнем, идущим рядом со мной. В воздухе приятно пахло бодрящей сыростью и романтической печалью.

Всё в этом моменте было волшебным.

Не в силах сдерживать эмоции, я остановилась, повернулась к парню и сказала:

– Артём, ты такой красивый. Твои волосы, твое лицо, твой благоухающий океанским бризом аромат... – смущаясь, призналась я парню.

– Тебе, правда, нравится? – встрепнулся Артёмка и снял с плеча рюкзак.

– Очень, – зарделась я и улыбнулась.

Артём озадаченно начал изучать содержимое своего рюкзака и что-то выискивать в нём. Мне хотелось думать, что сейчас нравящийся мне парень достанет шоколадный батончик, и мы разделим его пополам, или большое сочное яблоко, и мы будем откусывать по очереди и смущённо смеяться.

– Ну, тогда ознакомься с нашей продукцией, – Чернышов протянул мне глянцевого буклет, на котором огромными буквами было написано «Oriflame»⁶. – Я вот этим средством пользуюсь, – ткнул пальцем в разворот страницы, где был изображён смеющийся парень с чистой ухоженной кожей, а в руках у него была очищающая пенка-мусс.

Я стояла с открытым ртом, не дыша.

Очки съехали на нос, а в небе карга прокричала противное: «Кааарррр». Резко набежали хмурые, свинцовые тучи, заслонившие тёплое солнце. Ошарашенно смотрела на парня, лицо которого больше не выглядело идеальным: толстый слой тонального крема жирно поблёскивал и расходился паутинкой в некоторых неровных местах.

– А вот здесь потри, – опустила глаза на руки Артёма, усиленно натирающего страницу запястьем. – Чувствуешь? – ткнул прямо в нос.

От резкого запаха я чихнула и проснулась.

⁶ Oriflame – шведско-швейцарская компания, специализирующаяся на производстве и продаже средств по уходу за кожей, личной гигиены, косметики и парфюмерии.

Утро в Институте показало, что все мои полуночные метания о том, каким образом мы представимся парой, были напрасны.

Потому что мой фиктивный парень в универ не пришёл.

Он не пришёл ни к первой, ни ко второй и даже ни к третьей паре.

Ууух, как же я зла на него!

Где-то я читала, что, по статистике, первый парень оказывается козлом в 90%.

Внутри прямо кипит от негодования и принятия того факта, что именно я и попала в ту самую статистику неудачниц. Хотя Рональдо Бестужев ведь не настоящий парень, значит, у меня ещё есть шанс доказать, что Артём Чернышов – тот самый первый и единственный неkozёл.

Последней четвертой парой у нас физкультура.

Из всей нашей группы физрой занимаемся я, Дивеева и её подпевала Альбина.

У всех остальных освобождение.

Причём эти болезные, в кавычках, курят, как работяги, за корпусом, едят в столовке, как с голодного Поволжья, и выглядят здоровее самого физрука.

Я физической подготовкой не блещу, но у меня освобождения нет, зато есть спец группа по зрению, без сдачи нормативов.

А вот Дивеева Карина у нас не только местная красавица, но и спортсменка! Классика жанра! Она входит в состав сборной Университета по лёгкой атлетике и имеет потрясающе сложенное спортивное тело.

Это наглядно доказывает залитый слюнями пол спортзала, где скоро начнётся игра в волейбол между нашей первой группой и второй, в которой учится Чернышов.

Парни из двух групп жадно провожают глазами вызывающе укомплектованное в обтягивающие лосины заднее место Дивеевой. Карина плывёт по резиновому покрытию точно бригантна на плавных волнах, гордо неся свою королевскую грудь в тоненькой маечке.

Смотрю на свои капри и широкую растянутую футболку с пончиковым принтом.

– Что ищешь, Илюхина? Грудь потеряла? – каким-то невероятным образом возникает рядом Альбина.

– Да что там было терять, если изначально ничего и не было?! – поддакивает Карина, и обе начинают мерзко смеяться.

Гиены проклятые!

– А моему парню нравится, – ой, мамочки!

Ну вот кто меня за язык тянул?

По залу раздаётся неприятный звук скрипучей кровати, но это не звонок на пару, а смех Карины.

– Какому? Вымышленному? – чуть ли не хватаясь за живот, давится смехом Альбина.

– Самому настоящему, – если начала врать, то ври до конца. А потом беги.

– Ну и где же он? В твоих снах? – издевается Дивеева, складывая руки на груди, отчего её королевская грудь машет ручкой из маечки. – Привет, Бес! – подбирается Карина и втягивает и без того впуклый живот.

Оборачиваюсь, и моему изумлению нет предела.

Мой фиктивный парень в спортивных шортах и футболке без рукавов нагло крутит на пальце волейбольный мяч, и как ни в чём не бывало болтает с Артёмом.

Вот же олень лесной!

На профильные дисциплины, значит, мы не ходим, а на физкультуру притащил свою спортивную тушу!

– А вот и он! – пальцем указываю на Бестужева и со всей дури несусь к женишку.

Лица Альбины и Карины сначала каменеют, а потом расплываются неверующей гримасой, граничащей с отрицанием.

Моя самоуверенная наглость пугает даже меня, но на войне все средства хороши, и мне ничего не остаётся делать, как позориться до конца.

– Привет, мальчики! – представляю себя популярной блондинкой из зарубежных сериалов для подростков: наматываю прядь из хвоста на палец и пережевываю вместо жвачки собственный язык. Кажется, в фильмах это выглядит сексуально.

Как на самом деле это выглядит у меня, мне страшно подумать, потому что мальчики прекращают свой явно скучный диалог и смотрят, не моргая.

Думается мне, что не от восторга.

Меня слегка потряхивает, потому что так близко я ещё никогда не стояла рядом с Артёмом.

У меня захватывает дух, потому что это первый раз, когда Артём Чернышов на меня смотрит.

У меня подгибаются ноги, когда Артём Чернышов мне первый раз говорит:

– Привет.

Кажется, я в раю.

Прыгаю по мягким пушистым облачкам, любуюсь разноцветной радугой, а розовые слоны поливают из хоботов леденцовую поляну ягодным киселём!

– Слышишь, Бес, эта блаженная говорит, что ты – её парень, – из мира сладких фантазий меня выдёргивает приторный голос Карины.

Эта цапля уже успела подобраться и закинуть свою тощую жердь на плечо моего Артёма.

Смотрю на Бестужева и мысленно молюсь: «Давай же, глупая спортивная голова, не подведи!».

И тут же вспоминаю кричалку с матча: «Красно-синие вперёд, вас Егор не подведёт!».

Давай, отрабатывай потраченные на билеты на игру деньги!

Но парень упорно сверлит меня взглядом и молчит.

От любви, наверное, дар речи потерял!

Незаметно толкаю Бестужева в бок, решая помочь:

– Конечно, парень, правда, любимый?! – Боже мой, что я несу? Как вообще обращаются к друг другу влюблённые пары?

– А. Да. – Ну слава адвентистам, отмер! – Она – моя девушка, – неуверенно подтверждает мой парень, а я расслабленно выдыхаю, потому что, как оказалось, всё это время от волнения даже не дышала. – Напомни, как тебя зовут? – поворачивается ко мне и на полном серьёзе ждёт от меня ответа.

Я... ЕГО... СЕЙЧАС... УБЬЮ!!!

13. Вера

– Ааа-ха-ха-ха, – заливаясь перепёлкой, наигранно хохочу я и сквозь стекло очков прожигаю своего парня ненавидящим взглядом. – Ты такой у меня шутник, Егорушка, – и *«идиот редкостный»*, – про себя добавляю.

Теперь Егорушка испепеляет меня прищуром а-ля «за Егорушку получишь в глаз», и мы сражаемся в зрительном бою.

Смотрим друг на друга, как два барана на новые ворота, не моргая. Но в этом сражении меня никому не одолеть, потому что за свою очкастую девятнадцатилетнюю жизнь мне столько раз во время обследований приходилось сдерживаться и не моргать, сколько звёздному мальчику бить по воротам.

Ну вот, торжествую, когда Бестужев отводит глаза, но напоследок одаривает обещанием, что на этом мы не закончили.

– Так вы, что, и правда, встречаетесь? – пренебрежительно кривится Дивеева, глядя на то, как мой фиктивный парень забрасывает свою лапу мне на плечо, отчего мои худые ножки подкашиваются.

Мне ничего не остаётся делать, как закинуть руку на талию Бестужева и вроде как приобнять. Мы стоим настолько плотно к друг другу, что прямо перед моим носом на меня смотрит круглый шрам от прививки БЦЖ на левом предплечье Егора.

Незаметно наступаю звезде на ногу и с гадливой заискивающей улыбочкой смотрю на «любимого» парня, мол *«отвечай, идиотина ты эдакая»*.

Век бы не видела его!

– Самая, что ни на есть, настоящая правда, – утвердительно кивает Бестужев.

Королевские формы Дивеевой, расталкивая друг друга, выпрыгивают по очереди из маечки от того, насколько учащённо задышала их хозяйка.

Альбина и вовсе дар речи потеряла, и лишь Артём Чернышов искренне улыбается и, кажется, желает нам счастья.

Вот же святой человек!

Ну как его можно не полюбить?

Открыто пялюсь на парня, чтобы как можно больше впитать его прекрасные черты. Буду потом перед сном вспоминать и предаваться унынию.

Вспоминаю сон и приглядываюсь, чтобы убедиться в отсутствии тонального крема на великолепном лице Артёма, и естественно, ничего не нахожу.

То-то же!

Мой Артёмка – самый лучший, не то, что этот... что? Что он там несёт, пока я любовалась прекрасными чертами Артёма?

Настраиваю локаторы, чтобы лучше слышать.

–...люблю, говорит, жить без тебя не могу, Егор... – распинается лживый спортсмен развесившим уши студентам.

Моя челюсть медленно, но верно опускается вниз, глаза наливаются кровью, а зубы превращаются в клыки.

– Можно тебя на минуточку, любииимый? – хватаю парня, без которого жить, оказывается, не могу, за рукав, и тащу из спортзала, чтобы убить. – Так соскучилась, страсть, – ядовито улыбаюсь зрителям нашего театра комедии.

Радует, что эта здоровенная детина не сопротивляется и смиренно следует за мной.

– Ты... – наставляю на звёздного гада указательный палец, яростно сжимая губы. – Ты – не Бестужев. Ты... – замолкаю, подбирая подходящее обзывательство. – Ты – Бесстыжев. Как тебе не стыдно?

Но ему точно не стыдно, потому что Егор складывает руки на груди и с усмешкой глазееет на бешенную меня.

– А что такого? – лениво отзывается Бесстыжев и почёсывает бровь.

Он издевается?

– Что такого? Ты спрашиваешь, что такого? – злорадно шиплю я. – Теперь они подумают, что ты встречаешься со мной из жалости, а не от большой любви, – доходчиво объясняю тупице.

– Но это же так и есть, – поясняет Бесстыжев.

Вот дубинушка древнерусская...

Бью себя по лбу и обессилено выдуваю сквозь зубы воздух.

– Ну, извини, мы не договаривались, о чём говорить, – пожимает плечами Бесстыжев.

– Мы вообще ни о чём не договаривались, если на то уж пошло, – сержусь я. – После физкультуры будешь ждать меня у входа в корпус, – рявкаю и не жду ответа, потому что меня не касается, какие у него могут быть планы. – А сейчас в твоих интересах сделать так, чтобы все знали, что **МЫ**, – интонационно выделяю последнее слово, – влюблённая пара.

Бестужев одобрительно кивает, берёт меня за руку, отчего я сначала пугаюсь, переживая, что Артём Чернышов увидит наши сцепленные руки, но потом вспоминаю, что для него-то я и устроила весь этот цирк, и позволяю вести себя в спортзал парню, от которого мои жилы стынут.

– Привет, это моя – девушка, мы – влюблённая пара...

– Здорова, пацаны, мы – пара, все слышали?

– Эй, Пряхин, – орёт на весь зал полудурок, – она – моя девушка, а я – её парень...

И так с каждым, пока мы проходим от холла до волейбольной сетки.

У меня начинает подёргиваться глаз, и, кажется, даже скатилась слеза... от стыда и отчаяния...

– Что? Опять не так? – поворачивается Бесстыжев и удивляется. – Ты же сама просила сделать так, чтобы все знали. Теперь знают все, – довольно заключает недоумок, а у меня обречённо опускаются плечи.

Наверное, стоит сменить пальто на зимний пуховик, потому что, если так дело и дальше пойдёт, то мой красный нос отвалится, а ноги ампутируют от переохлаждения.

Дышу тёплым воздухом на озябшие руки и переминаюсь с ноги на ногу, ожидая ненавистного женишка на выходе из корпуса, как и договаривались. Но лишь с той разницей, что ждать меня должен был он, а не я целых 40 минут.

Я могла бы пойти в вестибюль и подождать его там, но на выходе мне разглядеть будет удобнее, именно поэтому я никуда не ухожу, полностью уверенная, что звёздный засранец всё ещё там.

Он выходит тогда, когда мои сопли превращаются в две солёные сосульки.

Спускается по лестнице лениво, не торопясь, непринуждённо беседуя с низкорослым парнем.

Вы только поглядите на него!

Я тут скоро конечности потеряю, а он не торопится, да ещё и... приглядываюсь, сощуривая глаза под запотевшими очками... ест?

В руках у Рональдо Бесстыжева надгрызенная булка, которую он на ходу кусает и глотает, не пережёвывая.

– Давай, Бес, до встречи на тренировке, – прощается парень, на что Бестужев кивает и что-то мычит, салютуя надкусанной булкой.

– Вкусно? – выныриваю, как чёрт, из-за спины недоделанного женишка. Пусть испугается и подавится!

Но спокойствию Рональдо Бесстыжева мог бы позавидовать сам Криштиану, поэтому парень, нисколько не удивляясь, отвечает:

– Дерьмо, конечно, но есть можно. Будешь? – сует мне в нос булку, которая и не булка вовсе, а пирожок с сомнительным мясом.

– Я такое не ем, – отпрянув, неприятно морщусь, – меня дома, знаешь, какие вареники ждут, – мечтательно вспоминаю тёплые мучные ушки, – и не дождутся, скорее всего, – моментально меняюсь в лице и грозно бурчу этому болвану, – потому что я уже сорок минут жду тебя! Мы же договаривались! – снова рываю, и мне уже кажется, что я превращаюсь рядом с Бестужевым в цепного пса, не умеющего разговаривать по-человечески, а только рычать.

– Так я в столовой был. Обедал. У меня тренировка через два часа, – как само собой разумеющееся поясняет Бесстыжев.

Потрясающе!

Слов нет!

Обедал он!

А я от голода и холода сопли с верхней губы слизывала, пока этот паршивец пузо своё спортивное набивал. А, кстати...

– А разве вам, спортсменам, можно такое употреблять? – киваю на оставшийся пустой кончик пирожка, который Бестужев, не задумываясь, закидывает в рот. – Разве у вас не определённое меню? Углеводы, белки, калории... – перечисляю.

– Не знаю, – пожимая плечами, беззаботно отвечает Егор и вытирает рукавом лёгкой ветровки ярко-очерченные губы. – Я ем.

Ндаа, как его ещё в команде держат...

– Так, о чём ты поговорить хотела? – поглядывает на время.

Да помню я, что тебя тренировки ждут, а меня вареники, поэтому решаю покончить с этим днём, чтобы не видеть наглое лицо «любимого парня».

– Давай обменяемся номерами и разойдёмся по разные стороны, – сержусь и выискиваю свой телефон.

– Давай. Только ты мне не звони.

Эээээ... что?

– Да трещу я, расслабься, – усмехается мой недалёкий парень.

Ну и шуточки у спортсменов.

Записываю «любимого парня», как «Рональдо Бесстыжев», и хочу заглянуть в телефон Егора, ведомая любопытством – как назовёт он меня. Но парень ловко отворачивается, что-то печатает и убирает трубку в карман.

«Не больно-то и хотелось», – фыркаю я и не прощаясь, разворачиваюсь, чтобы уйти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.